

Фламинго / рассказ

Category: HeKaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Фламинго / рассказ ФЛАМИНГО

«Фламинго – птица экзотическая, живет в Африке, Южной Америке и Южной Азии. Этот вид можно встретить также на озерах Казахстана, в Дагестане и в дельте Волги. В наши края эта птица залетает редко. В последний раз ее видел лесник Колобанов в 1947 году на озере Длинное. Он подумал, что птица улетела из зоопарка, хотел ее поймать и вернуть на место, но она взмыла в небо и улетела на юг.»

Из заметок натуралиста

1.

Крымов уже отварил сморчки, которые собрал утром на поляне возле оврага, и уже собрался пожарить их на сковороде с лучком на сливочном масле, когда к соседней даче подкатило такси, и из него вышел длинный такой парнишка, коротко остриженный со спортивной сумкой через плечо, поднялся на крыльцо и исчез за дверь.

«Отчаянная дама эта Софья Павловна, – подумал Крымов. – Сдаст дачу кому ни попадя. Мало ей того, что студенты прошлым летом устроили пожар в бане, так опять молодняк в дом пустила. А может, это ее племянник такой вымахал? Да нет, тот вроде чернявый, а этот блондин. Как пить дать, баб водить станет. Да ладно, лишь бы по ночам музыку не заводили».

По ночам Крымов работал – писал роман о жизни артистов цирка. В молодости он был влюблен в цирковую наездницу, объехал с труппой полстраны, и теперь, когда вышел на пенсию, решил описать свои приключения.

Много лет он работал в редакциях разных газет, начиная с заводских многотиражек и заканчивая правительственным официозом, но никогда не считал себя журналистом. Для себя он был только писателем, хотя оснований для этого у него было

совсем мало, то есть их почти не было, если не считать двух рассказов, когда-то опубликованных в журнале «Октябрь». Но разве для того, чтобы быть художником, нужно уметь рисовать? Нет, достаточно видеть окружающее глазами художника. Вот так и писатель: его мир наполнен сюжетами и литературными образами, которые могут и не вылиться в строки.

День у Крымова был расписан по минутам с учетом того, что он был «совой» и привык работать по ночам, когда его ничто не отвлекало. Просыпался он в девять и в любую погоду шел на источник умываться, потом готовил себе завтрак, настоящий завтрак, а не просто бутерброд с кофе. Чаще всего это была яичница с беконом и помидорами, потом рисовая каша или овсянка с малиновым или клубничным сиропом и, наконец, сыр и кофе. Настоящий сыр и настоящий кофе, сваренный в кофейнике с добавлением яичного белка для блеска в струе.

После завтрака следовала двухчасовая прогулка по лесным тропинкам. Потом можно заняться и хозяйственными делами: починить перила у крыльца, поменять газовый баллон, съездить за продуктами на станцию. Да мало ли дел на даче. А там уж пора было подумать об обеде. Днем Крымов предпочитал что-нибудь легкое под сухое белое вино – рыбу, овощи, пасту, чтобы не тянуло в сон, чтобы ничто не мешало интеллектуальным занятиям: чтению, переписке с друзьями по интернету, прослушиванию своей любимой классики. И, наконец, можно было приступать к работе над романом.

Никто к нему не приезжал, не заходил и даже не забегал. Все близкие ему люди остались за чертой отчуждения, в городе, а не близким он был не интересен. Поэтому он очень удивился, когда к нему в дверь однажды постучал новый сосед.

Голенастый словно диковинная болотная птица с лицом нежным, как у девушки, держал в руках мертвого селезня и довольно глупо улыбался.

«Парень или девушка? – гадал Крымов, разглядывая незваного гостя. Мелкие черты лица затрудняли определение пола. Надень картуз и будет первый парень на деревне, повяжи платок – невеста.

– Вы кто? – спросил Крымов.

– Саша.

– Значит Александр, – обрадовался Крымов. Не хватало только навязчивых баб по соседству.

– Значит Александра. Вот подстрелила утром на озере, и не знаю, что с ним делать, – сказала гостья, протягивая Крымову свой трофей. Может, вы поможете оприходовать?

– Зачем вы это сделали? Сейчас нельзя охотиться на дичь.

– Не знаю, наверно по дурости, пошла погулять на озеро, захватила ружьишко. Ружье новое нарезное, голландский штуцер десятого калибра. Захотелось опробовать. Смотрю – летит, ну я и пальнула. Никогда не стреляла из такого шикарного оружия. У отца была гладкоствольная тулка. Мы с ней на перепелов охотились.

«Пошла, пальнула, просто сорванец какой-то, – ухмыльнулся про себя Крымов. – Дура ты несуразная».

– У вас могли быть большие неприятности, если бы лесник оказался где-нибудь неподалеку, – сказал он вслух.

– Знаю, но ведь не оказался. Что теперь с этим делать? Не пропадать же добру. Папа запекал уток в духовке с капустой, было очень вкусно.

– Как вас по батюшке?

– Алексеевна.

– Так вот Александра Алексеевна, я не кулинар... – начал было Крымов.

– Знаю, – перебила его Вася. – Вы писатель и к вам нельзя приставать с глупостями. Мне Софья Павловна все рассказала, но куда теперь девать этот трофей?

– Ладно, – сказал Крымов, принимая из рук гостя или гостьи мертвую птицу. – Капусты у меня нет, но утка с яблоками, думаю, не хуже будет. Заходите часиков в семь.

«А она симпатяга, – думал он, ощипывая селезня, – Сколько ей лет? Девятнадцать? Двадцать? Похоже, она не прочь завести дружбу с соседом. Только этого мне не хватало».

Саша явилась ровно в семь ни минутой раньше, ни минутой позже. Стук в дверь совпал с последним ударом настенных часов, доставшихся Крымову от прежних хозяев дачи. На ней были все те же джинсы, заправленные в ковбойские полусапожки, что и днем,

и майка с эмблемой «Харлей Дэвидсон». Майка висела на плоской груди мешком. В качестве подарка она принесла бутылку «Шабли».

– Ну, зачем нужно было так тратиться? – сказал Крымов, принимая дар. – В палатке у станции продается в розлив приличное красное молдавское вино.

– Я хорошо зарабатываю.

– Это не повод для того, чтобы выкидывать деньги на ветер.

– Я очень хорошо зарабатываю, – и это прозвучало, как «не бойтесь, кланчить у вас взаймы не буду».

– И где же это так хорошо платят? – спросил Крымов, а сам подумал: «Зачем я это спрашиваю? Не все ли мне равно, где и кем она работает. Еще подумает, что я проявляю интерес к ее персоне. Потом не отвяжешься»

– Я рисую комиксы для одного голландского издательства. Они присылают мне задание, а я отсылаю им готовую продукцию. Платят, естественно, валютой.

– Неплохо устроились.

– Ага.

Разговор не клеился. Чувствовалось, что Саша не прочь поболтать, но Крымов держал ее на голодном пайке – вопросов больше не задавал и сам помалкивал. И тогда она, наконец, спросила:

– О чем вы пишете?

– О цирке.

– Ой, это так интересно, – оживилась, притихшая было гостья. – Цирк всегда был для меня, чем-то вроде сказки. В первый раз я попала в цирк, когда мне уже было двенадцать лет, но я увлеклась цирком задолго до того, как увидела представление. Роман «Братья Земгано» я прочитала, когда мне было десять лет, и всерьез собиралась убежать из дома с бродячим цирком, ночевать под деревьями у реки, питаться запеченными в глине ежами. В нашем городе не было постоянного цирка, но летом в парке выступали заезжие труппы. Артисты жили в фургонах рядом с шапито. Они все время что-то варили и ели, иногда ругались. Я часами могла наблюдать за их жизнью, сидя на скамейке с книгой в руках. Особенно мне нравились маленькие, у них были такие звонкие голоса, как серебряные колокольчики.

– Дети что ли?

– Нет не дети, хотя дети там тоже были, а лилипуты. Только они очень обижаются, когда их называют лилипутами или карликами. Сами они себя называют «маленькими людьми». Там я в первый раз увидела Жанну?

– Кто эта Жанна?

– Моя первая женщина, цирковая артистка. Росту в ней было, наверно, меньше метра. Она была ассистенткой фокусника Гримальди. Это псевдоним, цирковые часто берут себе красивые итальянские псевдонимы, вы же наверно знаете. На самом деле, он был Аркадий Пантыкин. Он брал Жанну одной рукой, как какого-нибудь кролика, сажал в пустой ящик, делал руками пассы, произносил заклинания, а потом открывал крышку, и из него вылезала большая девушка Соня в таком же жемчужном платье, как Жанна. Естественно, все аплодисменты доставались фокуснику и ей, а о бедной Жанне все забывали. Мне хотелось ее пожалеть, взять на руки, прижать к груди, но тогда я так и не решилась к ней подойти. Кто я? Глупая провинциальная дылда, а она сказочная принцесса – Дюймовочка.

Но два года назад я ее встретила здесь, в Москве, и сразу узнала, хотя она была не в жемчужном платье, а джинсах и кожаной куртке. Она сидела в баре с какими-то бородатыми мужиками, тоже, наверно, цирковыми. Они ради смеха посадили ее на стойку и по очереди давали ей хлебнуть пива из своих кружек. Мне это страшно не понравилось. На моих глазах какие-то придурки издевались над человеком, которого я когда-то боготворила. Я подошла, сняла ее со стойки и хотела увести с собой, но мужики загородили мне дорогу: «Ты, лесба драная, пошла вон!» Ну, я дала одному ногой по яйцам, зря что ли три года занималась в секции карате. Другого остановил бармен: «Не связывайся, Жора, неприятностей наживешь».

– Куда ты меня ведешь? – спросила Жанна, когда мы вышли на улицу. – К себе. – А деньги у тебя есть? – Есть. – Ну, тогда ладно, – она была совсем пьяная и готова была идти туда, куда ведут и неважно с кем.

Утром ей нужно было в цирк на репетицию, но она обещала после представления собрать вещи и переехать ко мне.

– Переехала?

– Нет, Пантыкин не пустил. Он оказывается жил не только с Соней, но и с Жанной, и по своему их наверно любил, а тут вдруг появляется какая-то драная лесба и уводит у него любовницу. Цирковые – народ серьезный. Вы оперу «Паяцы» видели? Нож под ребро – и все дела. Но я этого тогда не понимала, и лезла на рожон, решила выкрасть Жанну из цирка. Попросила уборщицу вызвать ее с репетиции. Она выскочила на улицу в трико, радостная, как будто маму увидела, все-таки мы понравились друг другу. Я сказала, что у меня для нее есть подарок и заманила в машину. У меня тогда была новенькая «Лада», я разбила ее через месяц в хлам.

Подарок у меня был, но только дома. Мы приехали ко мне, и я подарила ей духи «Эсте Лаудер». Она чуть не прыгала от восторга, а потом мы выпили шампанского. Она окосела, много ли ей надо, и полезла целоваться.

Она прожила у меня месяц. Можно было бы сказать «медовый месяц», если бы не ее постоянное нытье насчет того, что без цирка она жить не может. Вы ведь знаете цирковых. Для них цирк больше, чем работа, для них это жизнь. На воле они чувствуют себя не в своей тарелке. Вот так и Жанна, все рвалась в свой вонючий чудильник. Уж как я за ней ухаживала, и в рестораны водила, и в театр, и на концерты, одевала я ее, как принцессу. А она губы надует, сидит на подушке и зыркает на меня, как на врага.

Меня это поначалу напрягало, а потом я смотрю, что никакая она не сказочная принцесса, а обычная баба, вздорная, жадная да к тому же и нечистоплотная. В душ ее приходилось загонять силой, никогда она не убирала за собой посуду, а когда напивалась, а это дело она любила, как все цирковые, заблеывала всю квартиру.

И тогда я ей сказала: «Ну, что ж, раз тебе у меня не нравится, возвращайся к своему Пантыкину. И она ушла, прихватив с собой всю мою косметику. Но Пантыкин уже нашел себе другую лилипутку – Стеллу и не принял Жанну. Говорят, она поступила в труппу «Сияние маленьких звезд», но это вряд ли, она же ничего не умела, разве что выходить под музыку на парад алле.

– Этой труппы больше нет, она распалась. Руководство «Росгосцирка» посчитало, что на такую экзотику больше нет спроса.

– Может, и правильно посчитало. Мы ведь с вами тоже в некоторой степени экзотика. Вы – отшельник, а я – природная аномалия. Давайте выпьем за экзотику и закусим этой замечательной уткой, хотя с капустой было бы вкуснее.

2.

Всю следующую неделю Саша у себя на даче не появлялась. Каждое утро Крымов искал взглядом признаки жизни в доме у соседки и не находил. Втайне для себя он хотел увидеть открытое окно, белье на веревке или резиновые сапоги на крыльце, но ничего этого не было. Только кусты сирени под окном, словно кто-то их позвал, но забыл зачем. «Ну, вот и славно, – говорил он себе, а то еще повадится ходить в гости, отвлекать от работы».

Саша, безусловно, была интересным человеком, и в то же время от нее исходила какая-то неясная тревога, какое-то неудобство, как от чужого чемодана, который мешает передвигаться по квартире.

Она появилась только в воскресенье. Крымов как раз вышел к калике покурить, а тут подкатила она на байке красного цвета в белом шлеме и черной косухе с бахромой.

– Привет!

– Это что же вы будете теперь вонять своей керосинкой?

– О чем вы говорите? Это же ста двадцати кубовая «Ямаха». Ее выхлопы пахнут лавандой, а звук мотора не громче песни сверчка. Я давно мечтала о такой байке и вот, наконец, сподобилась. Надо бы обмыть. У меня тут есть кое-что для вас, – она похлопала рукой по багажнику.

– Ладно. Буду ждать вас часикам к семи.

Это кое-что оказалось бутылкой виски «Гленливет» десятилетней выдержки. Напиток вполне соответствовал качеству мотоцикла. Саша поставила байк в саду так, чтобы все время можно было любоваться его стремительным экстерьером.

– Это же птица, а не машина. Бензин он только нюхает, заводится с полтычка, а какой у него ход!.. Когда вырвешься из города на шоссе, кажется, летишь по воздуху, – восхищалась она своим приобретением.

– Никогда не понимал, зачем люди ездят на мотоциклах, если есть автомобили. Там, по крайней мере, можно укрыться от снега и дождя.

– Ну что вы. Мотоцикл – это свобода. Разве можно его сравнивать с консервной банкой на колесах. Папа купил свой первый мотоцикл, когда мне было десять лет. Это был изъезженный вконец «Урал». Вообще-то это хорошая марка, говорят, одно время эти байки у нас покупали американцы. Но тот, что купил папа, был просто грудой дохлого железа. Папа его разобрал, потом собрал, и он поехал. Проехал с километр и заглох. Каждый день, после работы папа выводил эту рухлядь во двор и что-то чистил, что-то паял, что-то смазывал. Вокруг тут же собирались любопытные мальчишки, которые часами наблюдали за действиями отца. И я тут же сидела на корточках, хотя, в отличие от них, не имела на это права. Матери не нравилось, что я целыми днями слоняюсь возле мотоцикла, и она все время старалась куда-нибудь меня отослать, то в очередь за квасом для окрошки, то в библиотеку поменять книги. Но мне все-таки удавалось побыть возле своего кумира.

Когда папа заметил мою любовь к технике, он стал мне рассказывать, как устроен двигатель, как работает система передач, как настроить зажигание, а когда машина, наконец, завелась, он обучил меня вождению. В шестнадцать лет я уже объехала все окрестности нашего города и подумывала о дальнем путешествии. Вот тогда-то на меня и положила глаз Тань-Отстань. Эта лохушка жила в нашем доме, на втором этаже. Мы на пятом, а она на втором. Наш дом по местным понятиям был элитным, тут жили известные в городе люди. Папа считался лучшим пластическим хирургом в области, у него была своя клиника, и потому он смог купить тут квартиру. А отец этой лохушки был вторым секретарем обкома. У нее было все – дорогие шмотки, кроссовки от Валентино, французская косметика. Не было только парня, а очень хотелось. Кого только она ни пыталась

закадрить – и Валеру из соседнего подъезда, и Сергея из дома напротив, и даже таксиста Ашота, и везде ее ждал облом. Так за ней и закрепилось это Тань-Отстань.

Не то чтобы она была совсем страшная, но было в ней что-то неприятное, бегающие глазки что ли, к тому же она была страшная зануда. В общем, ребята у нее долго не задерживались: встретятся разок и больше не хотят. И тут вдруг я со своим «Уралом» в кожаной куртке и в шлеме фирмы «Темпист».

Как-то она меня поймала в подъезде: «Жарко, – говорит, – поедem купаться на водохранилище. Я Ашота просила, но он занят до среды». – «Ладно, – говорю, – поедem, только ты возьми что-нибудь попить». Я-то думала, она возьмет кока-колу или спрайт, а она взяла бутылку вина. Я за рулем капли алкоголя в рот не беру, а она наклюкалась и полезла ко мне целоваться. Меня не трудно завести, я как этот японский байк завожусь с пол-оборота. Но потом у меня было такое чувство, как будто об меня вытерли грязные ноги. Она говорила, какой крутой у нее папашка, что ему ничего не стоит устроить меня в университет, а моему отцу для его клинки выделить лучшее помещение в центре города, а когда увидела, что это не производит на меня впечатления, стала говорить, что может уничтожить любого, кого захочет. Мне надоела ее пьяная болтовня, я уехала в город, а ее оставила у водохранилища. Не знаю, как она добралась домой, но только после этого случая она затаила на меня злость, распространяла про меня сплетни, будто я совращаю невинных девушек.

Мне-то было наплевать на это, у меня была своя интересная жизнь – мотоцикл, охота с папой, книги, учеба, художественная студия и школьная волейбольная команда. У меня была куча друзей мужского пола, и они, зная меня, не слишком прислушивались к сплетням, а вот моя мать переживала на этот счет. Она была не последним человеком в городе, заведовала домом культуры, и ей были неприятны косые взгляды и шушуканья баб там, где она появлялась. В конце концов это ее достало настолько, что она предложила мне ухать из города на некоторое время. Папа этого не хотел, но спорить с матерью было трудно, и он уступил. В Москве у него были друзья, на первых порах я

жила у них, потом поступила в Строгановку, и жизнь наладилась.
– Все хорошо, что хорошо кончается. Жаль только, что зло остается ненаказанным.

– Ну, нет, перед отъездом я все-таки встретила эту Тань-Отстань на узенькой дорожке и дала ей по морде. Говорят, отца ее сняли и отдали под суд за взятки, а она совсем опустилась и подсела на наркоту.

– Вы опасный человек, Саша, для всех, кто вступает с вами в отношения, это плохо кончается.

– Это не касается моих друзей. Давайте выпьем за дружбу. Ведь это здорово, когда один человек может помочь другому советом и делом просто так, без всякой задней мысли. Кстати, вы не знаете, где в Москве можно пошить приличный фрак?

3.

Крымов никогда не носил фраков и не знал, где их шьют и шьют ли вообще. Только однажды ему пришлось иметь дело с портным. Это было в детстве. Помнится, тогда портной, похожий на Карла Маркса, смастерил ему пиджачок с хлястиком и короткие штанишки. В таком прикиде не стыдно было пойти в гости или в театр. Для дворовой ребятни, привыкшей щеголять в трусах и линялых майках, такой костюмчик казался, наверно, чем-то вроде фрака сегодня.

«Интересно, зачем ей понадобился фрак – эта униформа оперных певцов и дирижеров? – думал Крымов, и тут же гнал от себя эту мысль, как какую-нибудь заразу. – Ничего мне не интересно, какое мне дело до этой Саши или до этого Саши, кто их там разберет. Мало что ли у меня своих забот? Вот калитка скрипит, надо петли смазать».

Так прошла еще неделя, а когда Саша вновь появилась на даче, Крымов забыл ее об этом спросить. Она была страшно взвинчена, оставила байк на улице, и в чем была – в косухе, с рюкзачком за спиной, в своем круглом шлеме, заявила прямо к нему.

– Простите, нет ли у вас, того красного молдавского вина, что вы покупаете в палатке на станции?

– Что случилось? – спросил Крымов, как можно спокойнее, в

надежде, что его спокойствие передастся и гостье.

– Мои родители расходятся.

– Дело житейское, люди сходятся и расходятся. Вы же уже не ребенок, для которого мама и папа одно целое. Взрослый человек должен понимать, что оттого, что родители живут порознь, они не перестают быть родителями.

– Я все понимаю, папе всегда было трудно уживаться с матерью, они такие разные. Она его страшно ревновала, ведь он у меня такой красивый. Я любила смотреть, как он бреется. Сяду на стульчик рядом и вижу в зеркале, как он взбивает помазком мыльную пену в чашке, как наносит пену на лицо и становится похожим на Деда Мороза, а потом с помощью безопасной бритвы сантиметр за сантиметром возвращает мне свое лицо. Он часто в шутку и мне давал помазок, и тогда я становилась вроде как подмастерьем Деда Мороза. Нам было так весело.

А еще я любила смотреть, как он набивал душистым трубочным табаком гильзы для папирос. Покупных папирос он не признавал. У него была такая машинка для набивания гильз. Это было настоящее священнодействие. А готовые папиросы он укладывал в серебряный портсигар. Наверно, уже никто так не делает, а он любил это делать под пластинку с записями Гленна Миллера. Вы любите Гленна Миллера?

– Вообще-то я предпочитаю классику, но это тоже хорошая музыка.

– Это отличная музыка. Когда я уезжала в Москву, он подарил мне эту пластинку, но у меня нет проигрывателя, и она молчит. А у вас есть проигрыватель?

– Где-то был, старенький.

– Тогда я ее привезу, и мы вместе послушаем. А потом, может быть, съездим с вами на охоту. Мы с папой ездили за пятьдесят километров в горы на своем пердучем «Урале». Там полно перепелов, мы с папой штук двадцать домой притаскивали. Да и здесь они наверно водятся. Вот только трава высокая, нужна собака. Но можно и без собаки, но тогда нужно привязать к поясу пустые консервные банки. Я шла вперед и поднимала птиц грохотом, а папа бил их влет. А потом мы пекли их на костре и уплетали за обе щеки, и нам было хорошо.

Мать дичью брезговала, ей подавай курицу. И меня она, наверно, видела в образе курицы. Она хотела сына, а получилась я, и папа хотел сына, и он-таки его получил. Мы с ним жили душа в душу, а когда я уезжала в Москву, он положил мне руку на плечо и сказал: «Не реви, Сашок, жизнь ведь на этом не кончается. Мы с тобой еще постреляем перепелов».

– Вы ни разу не виделись после вашего отъезда?

– Виделись, конечно, пару раз он бывал в Москве проездом. Но теперь я его, наверно, долго не увижу, ему предложили место в лучшей клинике Сеула. Он ведь может чудеса творить – к нему приходят уроды, а уходят красавцы. Корейцы знают толк в пластической хирургии, кого ни попадя к себе не пригласят. Корейская школа считается самой лучшей в мире, а папа проходил там практику.

– Да не расстраивайтесь, он там пустит корни и вас к себе заберет. Думаю, там охота не хуже, чем у нас, – сказал Крымов и разлил по стаканам красное вино.

– В том-то и дело, что он уже давно пустил там корни, как вы говорите. У него там женщина еще с тех пор, как он проходил стажировку. И вряд ли мне найдется место около них, – грустно улыбнулась гостя и взяла стакан с вином.

– А что вы там говорили насчет фрака? – спросил Крымов, чтобы уйти от грустной темы. – Я тут подумал, что его можно взять напрокат в каких-нибудь театральных мастерских.

– Спасибо, но фрак уже шьется. На следующей неделе у меня примерка в Мадриде.

– А что, ближе портного не нашлось?

– Алиса так захотела, а уж, если она чего захочет, спорить с ней бесполезно.

– Кто такая Алиса?

– Это моя женщина – виолончелистка из симфонического оркестра. Я ее увидела на концерте в консерватории и влюбилась. Ах, что это за женщина, это ЖЕНЩИНА с большой буквы. Вы бы тоже влюбились в нее, потому что в нее нельзя не влюбиться. Я, как только оркестр вышел на сцену, сразу обратила на нее внимание, все оркестрантки были в черных туфлях, а она в красных. Как потом выяснилось, ее черные туфли погрызла собачка, и ей

ничего не оставалось, как надеть красные.

Я сидела в первом ряду и не могла оторвать глаз от ее рук и декольте. У нее было лицо Венеры Милосской и прическа такая – греческая, как в учебнике по античному искусству. На вид ей можно было дать лет тридцать пять. Она обнимала и ласкала свою виолончель, а я мысленно уже ласкала ее. Она заметила мой пристальный взгляд, и, видимо, встревожилась, и, наверно, допустила какую-то оплошность, потому что дирижер зло глянул на нее.

– А что играли?

– Да я не помню, кажется, Сен-Санса и Дебюсси. Вы любите Дебюсси?

– Я люблю Сен-Санса. А вас-то, каким ветром занесло в консерваторию?

– Совершенно случайно, один мой сокурсник, большой любитель классики, не смог пойти на концерт из-за больного зуба, вот он и сбаврил мне свой билет. У меня было такое настроение, что я пошла бы куда угодно, не то, что в консерваторию.

– Выходит, классическая музыка вам пошла на пользу?

– Еще как. На второе отделение я решила не ходить, чтобы не смущать виолончелистку – отсиживалась в буфете, а когда концерт закончился, я ждала ее у артистического подъезда. Долго ждала, может, целый час. Они там что-то отмечали, кирали. Больше всего я боялась, что она будет не одна, что кто-то из оркестрантов захочет ее проводить. Но мне повезло, на улице она распрощалась с друзьями и пошла к метро переулками. Я вообще-то человек общительный, но тут я никак не могла собраться с духом, подойти к ней и сказать что-то, что заставило бы ее проявить ко мне интерес. И тут я сообразила.

«Простите, – сказала я, взяв ее под локоть. – Я художник, и мне хотелось бы написать ваш портрет. Вы ведь творческий человек, вы должны меня понять...» Она поняла, она окинула меня взглядом с ног до головы и сказала: «Молодой человек, я не возражаю, но при условии, что вы больше не будете пялиться на меня с первого ряда и мешать мне работать». А мне только этого и надо было, какой никакой, а контакт.

Когда мы расставались у ее подъезда, я уже знала, что зовут ее

Алиса. О, еще, что она дочь испанских детей, которых вывезли в Советский Союз во время гражданской войны, что родители ее вернулись в Испанию, а она осталась, потому, что у нее здесь работа, и что она замужем за программистом.

Она приняла меня за наглого парнишку, но не слишком удивилась, когда открыла мой секрет. А через неделю мы поняли, что нам хорошо только, когда мы вместе. Только одно обстоятельство не давало Алисе покоя. Нет, не ее брак, конечно – у них с мужем давно все пошло наперекосяк. У него была любовница на работе, и она об этом знала. Она тоже изменяла ему время от времени. Наши с ней отношения – это совсем другое дело. Но ей захотелось их как-то оправдать, если не перед людьми, то хотя бы перед Богом. Она считает, что мы должны венчаться. Не здесь, конечно, а в Испании, в провинциальном городке, где поселились ее родители. На ней будет свадебное платье в стиле фламенко, кружевная мантилья и всякие бабские прибаамбасы, а я буду в черном фраке. Красиво, правда?

– Правда, но у вас могут быть проблемы с церковью.

– Алиса говорит, что в Испании на этот счет можно не заморачиваться. Давайте-ка, выпьем еще по стаканчику этого вашего сухого красного вина за успех нашего безнадежного предприятия.

4.

В очередной раз Саша появилась, когда уже отцвела сирень у нее под окнами, а в саду у Крымова благоухал куст жасмина. Летом Крымов жил по цветочному календарю. Время цветения жасмина совпадало с началом июля. Так вот, Саша появилась в начале июля, когда Крымов о ней и думать забыл.

Он дремал в кресле под шепот дождя за окном и далекие раскаты грома. Он даже не понял сначала, наяву ли к нему явилась Саша с большим бумажным пакетом в руках или ему это снится. И только когда она поставила пакет на стол, все сомнения рассеялись.

– Здравствуйте, писатель! А я вам гостинцы из Испании привезла, – сказала бывшее видение, и стало доставать из

пакета подарки: головку козьего сыра, приличный кусок хамона, банку оливкового масла и, наконец, бутылку вина. – Это херес, настоящий, у нас такой не продается. А вы знаете, чем херес отличается от любого другого вина?

– Чем же?

– Все вино выдерживается в темных холодных подвалах, а херес на солнце. Это солнечное вино.

– Вы разбираетесь в винах. Папа научил?

– Папа пьет только чистый медицинский спирт и только на охоте, по глотку. Я любила смотреть, как он готовит охотничий завтрак. Бросает кусочки сала на раскаленную сковороду, потом высыпает туда мелко нарезанный лук, кусочки помидора, сладкого перца, ломтики грибов, которые я нашла в лесу, пока он ставил палатку и разжигал костер. И все это он заливает взбитыми яйцами и посыпают солью и перцем. Потом он режет хлеб, режет по-особому, держа буханку навесу, как в старом кино. У нас в городе продается очень вкусный ржаной хлеб, в Москве такого нет. Спирт папа пьет прямо из оплетенной баклажки. Он говорит, что она досталась ему от отца, который тоже был заядлым охотником. Мне он никогда не предлагал глотнуть, да мне и не хотелось. С меня достаточно было видеть, как он зарывает глаза от удовольствия, когда волна тепла расходится по его телу. Не важно, что он делал, важно, как он это делал.

– Вы так вкусно рассказываете, что мне захотелось есть.

– Так в чем же дело? – тут полно еды. У вас есть острый нож, чтобы порезать сыр и хамон. Нужен очень острый нож, чтобы пластины были тонкими. Так меня учили испанцы.

– Вы все о еде да о еде и ни слова о главном, – сказал Крымов после первого стакана крепкого горьковатого напитка с запахом миндаля. – Как прошла церемония венчания?

– Все было бы хорошо, если бы не эта дура Алиса. Начнем с того, что перед отъездом оказалось, что она беременна. Я говорю: «Вот и хорошо, мы же после Испании собирались съехаться и взять на воспитание ребенка из приюта, а теперь будет свой», а она в рев: «Мне не нужен ребенок и я никому не нужна». С большим трудом я ее уредила, что ребенка нужно оставить. Но в аэропорту она мне устроила истерику из-за того,

что я принесла ей минералку вместо кока-колы. А уж в Мадриде она и вовсе распустилась. Мы поехали к портному мерить мой фрак, но когда я его надела, она вдруг сорвалась и убежала. Я за ней, прямо как была, во фраке. Догнала ее, обняла, а она вырывается: «Мы с тобой не пара, я страшная и старая, ты все равно меня бросишь». Смотрю – лицо у нее покрылось красными пятнами, тушь поплыла, волосы растрепались – и, правда, страшная. Ну, я ее кое-как успокоила, дала снотворного и просидела около нее в номере целый день. В общем, Мадрида не видела, только главную улицу мельком и вокзал. Вокзал красивый, с бассейном, заросшим всякими растениями, среди которых плавали рыбы и лягушки.

– Ну, а само венчанье-то как прошло?

– Прошло. Но для этого нам пришлось ехать на поезде, где поселились родители Алисы. Это маленькое городишко, почти деревня. Из достопримечательностей только церковь и часть сохранившейся крепостной стены с башней. Родителей мы не застали, они укатили куда-то на море. Мы же не предупредили их, что приедем, хотели, чтобы это стало для них сюрпризом. А может, и хорошо, что их не было. Еще не известно, как бы они отреагировали на нашу затею.

У Алисы опять случился приступ самобичевания, она все время оставалась в гостинице, лежала на кровати, уткнувшись в подушку, так что мне самой пришлось договариваться со священником – падре Анхелем. Он по-английски ни бэ ни мэ и я через пень колоду. К тому же, он оказался страшным занудой, требовал, чтобы были соблюдены все тонкости ритуала. То есть, у нас должны быть посаженный отец и посаженная мать, церковь должна быть украшена цветами за наш счет, а приехать и уехать мы должны непременно в карете. В городе была только одна такая свадебная карета у племянника падре дона Хесуса. Вся эта хрень обошлась мне в тысячу евро. А падре все улыбался и повторял: «Не скупись, Алехандро, любовь окупит все».

– Карета была настоящая?

– От нее то и дело что-то отваливалось. Но нам уже было не до этого. Мы вышли из гостиницы, разодетые в пух и прах, и тут вдруг Алисе приспичило съесть мороженое. Представляете: нас

ждут в церкви, там битком набилось желающих посмотреть на придурков из России, которые приехали к ним венчаться, а этой идиотке захотелось мороженого. Ну, я по дороге купила ей рожок, она стала есть и тут ее вырвало прямо на мой шикарный фрак. Я говорю: «Надо вернуться и почиститься», а она: «Это перст божий, нам не надо венчаться, это грех». Ах ты, думаю, зараза, и угораздило же меня с тобой связаться. В общем, кое-как мне удалось ее уговорить. Но кайфа уже никакого не было. Местные хотели раскрутить нас на свадьбу, но нам удалось улизнуть. В этот же день мы уехали в Мадрид, а оттуда в Москву. В аэропорту Алиса опять психанула, сказала, что у ее ребенка должен быть настоящий отец, и она твердо решила не расставаться с мужем. Я сказала: «Вольному воля» и ушла не попрощавшись. На фига мне нужна эта коррида.

– Выходит, не сошлись характерами. Жалко – венчанье коту под хвост...

– Да я не жалею, все-таки у нас разница в возрасте десять лет. Может, это и к лучшему, что разбежались. У ребенка должен быть настоящий отец. Я это понимаю.

5.

Саша бывала на даче наездами: приедет, поживет дня два и уедет в Москву, где у нее была съемная квартира, А тут вдруг приехала радостная, как будто выиграла в спорт-лото сто тысяч, и заявила, что будет жить на даче до осени.

– В городе мне больше делать нечего, с любовью покончено, а работать я могу и здесь. Здесь даже лучше – ничто не отвлекает. Вот вы ведь недаром же перебрались на дачу, небось, уже заканчиваете книгу.

– Да, – сказал Крымов. – На даче хорошо работается и опять же свежий воздух, но как же без любви?

– Нет проблем, могу влюбиться хотя бы в вас – вы писатель и к тому же импозантный мужчина, или в хозяйку дачи, в Софью Павловну. Сколько ей лет?

– Лет шестьдесят, наверно.

– Мой любимый возраст, обожаю слегка повядшие фрукты. Кстати,

я, может быть, и куплю у нее эту дачу.

– Обокрали олигарха? Продали родину? Или все-таки клад?

– Получила заказ от американского издательства «Марвел Комикс» на комиксы по романам Жюль Верна. Это большие деньги, очень большие, но главное, что это Жюль Верн, которым я в школе зачитывалась до посинения. Вместе капитаном Немо, детьми капитана Гранта, Филеасом Фоггом и его слугой Паспарту я обшарила весь мир, хотела стать путешественницей, собирала карты и путеводители. Папа подарил мне большую карту Австралии. Я повесила ее над кроватью и повторяла перед сном, как молитву, первобытные географические названия – Вумерра, Тувумба, Маррамбиджи, а по утрам, едва продрал глаза, я спускалась в лодке по реке Муррей мимо светлых эвкалиптовых рощ к самому морю.

– Кто в детстве не путешествовал по карте...

– А потом мы с папой облазили все окрестные горы. Сначала это только холмы, поросшие терном и можжевельником. Там летом бывает страшно жарко, потому что совсем нет ветра. Дальше идет гряда увалов, покрытых только травой, а еще дальше начинаются настоящие горные хребты. Но нам туда не надо было, мы шли в долину, где было полно перепелов и вальдшнепов. А еще там были кусты кизила, высокие, как деревья, а ягоды были до того спелые, что от наших шагов падали и взрывались, оставляя на земле кровавые лужицы.

Как-то мы поднимались на вершину увала и вдруг нам навстречу вышли олени, пять очень крупных рогатых красавцев. И тут папа сказал, тихо так, спокойно: «Ложимся» и мы прижались к склону. Они прошли в метре от нас и даже не посмотрели в нашу сторону. Я спросила папу, зачем нужно было ложиться, и он объяснил мне, что осенью у оленей начинается гон, они злые и могут убить человека ударом передних ног в голову, если им что-то не понравится. Но они благородные животные и лежащих никогда не бьют.

– У вас же было ружье, могли добыть трофей.

– Сразу видно, что вы не охотник. Мы же шли на перепелов, и наше ружьишко было заряжено дробью. И потом, папа никогда бы не стал стрелять в оленя. Он говорил, что стрелять в оленя,

все равно, что стрелять в человека.

А вообще охота для нас была только предлогом для того, чтобы отправиться в путешествие. Вечерами у костра мы мечтали поехать куда-нибудь далеко – на Камчатку, на Курилы, на остров Кергелен. Я воображала себя то пятнадцатилетним капитаном Диком Сэндом, то Робинзоном. Мне было тесно в нашем городке, мне хотелось поступить в мореходку и уплыть к чертям собачьим, только, чтобы рядом был папа.

Вот теперь я заработаю кучу денег и уйду в кругосветное плавание. Мне кто-то рассказывал, что на больших круизных лайнерах богатые люди живут годами.

– Это правда, я знал одного такого американского инвалида. Он занимал сразу три каюты. В одной каюте-люкс у него была спальня и столовая, в другой жил его личный врач, а в третьей – прислуга – здоровенная черная баба. Он передвигался по палубам в электрической коляске с нью-йоркским номером и распугивал людей жутким клаксоном. С юмором был мужик. Команда его любила.

– Я тоже куплю себе каюту-люкс. А сейчас хорошо бы окунуться – после дождя вода, наверно, как парное молоко. Есть тут где-нибудь по близости водоем?

– В двадцати километрах по шоссе – Ока.

– А не хотите со мной?

– Как-нибудь в другой раз, – сказал Крымов, и снял с полки книгу, давая понять гостю, что разговор окончен.

6.

Другого раза так и не было. Прошла неделя, другая, а Саша так и не появлялась у Крымова. Иногда по утрам он видел, как она делает зарядку в саду, как что-то рисует в альбоме, сидя на крыльце и бутербродом в одной руке и карандашом в другой. Он уже закончил свой роман и теперь был не прочь поболтать с соседкой. Но из деликатности не хотел брать инициативу в свои руки – у человека серьезная работа.

В тот день, когда Саша снова ворвалась к нему, он о ней и думать забыл. Издательство, в которое он послал рукопись своей

книги, вежливо ответило ему отказом, мол, у них уже сверстан план публикаций на три года вперед. Скорей всего, они ее и не читали. Увидели незнакомую фамилию автора и выслали дежурную отписку. Он сидел на кухне и чистил картошку, когда Саша вновь напомнила ему себе.

Она вошла без стука, и даже не поздоровавшись, с торжественным видом положила перед ним на кухонный столик телефон.

– Что это? – не понял Крымов. – Какая-то новая модель?

– Читайте СМС-ку.

Крымов прочитал вслух: «Сегодня. Шереметьево. 17.00 -18.00. Жду» и вопросительно посмотрел на гостью.

– Сегодня. Шереметьево. Жду, – взорвалась она радостью и пустилась в пляс по кухне под слышимую одной ей музыку, как ребенок, которому обещали подарить на день рождения вожака щенка. – Сегодня. Шереметьево. Жду. Это же папа. У него пересадка в Шереметьево по пути в Сеул.

– Поздравляю, – сказал Крымов как можно участливее, но в голосе его, видимо, было недостаточно радости, потому что Саша бросилась его обнимать.

– Папа прилетает. Вы понимаете, у нас будет целый час.

Крымов не разделял Сашиной радости, ему почему-то было ее жалко. Ну, что можно успеть за какой-то час? Расцеловаться, выпить вина за встречу, расспросить о здоровье родных и знакомых. Наговориться всласть с приятелем и то нельзя, а тут самый близкий человек. Но надо было еще что-то сказать, чтобы радость ее не угасла. И он сказал, но совсем не то, что хотел.

– Вот вы и договоритесь о том, когда вы прилетите к нему в Сеул.

И радость в ее глазах все-таки угасла, на смену ей пришла печаль. Печаль ребенка, которому сказали, что щенка на день рождения подарят не в этом году, а в следующем.

– Хотите есть? Я могу подогреть фаршированные перцы, – чтобы как-то исправиться предложил Крымов. – Сегодня суббота, пробки на дорогах маловероятны. Вы успеете в аэропорт, даже если выедете за два часа до встречи.

– Спасибо, я не голодна. Я поеду прямо сейчас, лучше в Шереметьеве подожду часок-другой, – сказала Саша холодно, по-

деловому, как говорят с незнакомым человеком. И это были последние слова, которые Крымов от нее услышал. Потом был только скрип калитки и удаляющийся шум мотора.

«Вот идиот, – подумал Крымов. – А еще писатель – знаток человеческих душ. И кто тебя потянул за язык ляпнуть ей насчет Сеула. Знаешь ведь, что это для нее больная тема. Ну и олух». Саша ему нравилась. Эта экзотическая птица, чудом залетевшая в его гнездо, внесла свежие краски в его жизнь, а он не сумел ее отблагодарить за это.

«Исправлюсь, – думал он. – Приглашу ее завтра на рыбалку. Охотники, как правило, не брезгуют рыбалкой, ведь это, по сути, та же охота. А потом расскажу ей, где бывал и что видел».

Так он думал в воскресенье и в понедельник, и во вторник, а потом забыл о своем намерении, потому что получил сообщение из другого издательства, где к его рукописи отнеслись благосклонно. А в пятницу он услышал какое-то движение на соседней даче и вышел на крыльцо. У него с языка уже готово было сорваться «Привет!», но это была не Саша, а Софья Павловна, которая поливала цветы на клумбе.

– Ой, Виталий Андреевич, а я как раз собиралась к вам зайти. Горе-то какое.

– Что случилось? – спросил Крымов, хотя уже знал, что ответ принесет ему боль.

– Девочка-то наша, Саша, погибла. Она мне говорила, что вы подружились, да вот ведь какое горе.

– Как это случилось? Какая-нибудь пьяная скотина врезалась в нее на шоссе?

– Нет, она просто умерла за рулем от разрыва аорты. Мотоцикл потерял управление и свалился в кювет. Когда свидетели подбежали, она уже была мертва. На ней даже синяка не было, и мотоцикл был целехонек – садись и поезжай. Я не врач, но в больнице мне объяснили, что у нее была какая-то аневризма, которая перекрыла аорту и та разорвалась. В этом случае смерть наступает мгновенно. Она даже не успела ничего почувствовать. Этот врожденный порок. Бывает, что люди живут с ним долго, но усталость или нервное напряжение могут вызвать смерть. Она

спешила в аэропорт на встречу с отцом, должно быть, перенервничала.

– Как вы узнали?

– Мне позволили из больницы. Я оказалась первым номером в ее телефоне. Я ведь Антонова. Ее похоронили на Николо-Архангельском кладбище, мать не захотела хоронить ее в родном городе.

– Она приезжала на похороны?

– Приезжала. Солидная такая дама – машину цветов заказала и молебен в церкви.

– А отец?

– Он же в Корее. Не дождался дочери и улетел. Долго не могли с ним связаться, а потом не было билетов на самолет. Друзья ее были – однокурсники. Ее ведь все любили, она была теплым человечком. Бывало, никогда с пустыми руками не приходила – то коробку конфет принесет, то торт. Всегда поинтересуется, как здоровье. Как жаль, что такие люди на этом свете долго не задерживаются.

– Перелетные птицы не живут на одном месте.

– Вот и я о том же. Тут после нее осталась одна вещь. Возьмите на память, ведь вы, кажется, дружили, – Софья Павловна достала из шкафа пластинку Гленна Миллера в красивом американском конверте и отдала ее Крымову.

Дома он достал допотопный проигрыватель «Электроника», сдул с него пыль и осторожно поставил пластинку, но вместо чарующих звуков «Голубой серенады» услышал только шипение и карканье. Пластинка была безнадежно заезжена.

Об авторе: АНДРЕЙ ЕВПЛАНОВ

Родился и живет в Москве. Прозаик и журналист. Работал в газетах «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Российская газета». Член Московской организации Союза писателей. Литературная деятельность начиналась с публикаций в журналах «Новый мир» и «Октябрь». Автор книг «Чужаки» («Современник». 1990), «Змеюка на груди» («ЭКСМО-Пресс». 2000), «Коллекционер»

(ДПК – Пресс. 2013), «Самостоятельные женщины и их мужчины» («Москва». 2018) и «Голый» («Москва». 2020). Его повесть «Индонезия» включена в сборник русской классики, который вышел в Малайзии. Переводил стихи нобелевского лауреата Виславы Шимборской. Neкаýalar